

В ясный мартовский день 2010 года, жадно глотая весенний воздух, я прошёл от метро «Цветной бульвар» до нашего скромного особняка и, поднимаясь на второй этаж, услышал за приткрытой дверью голос Наталии Сергеевны, завредакцией, — не просто возбуждённый, но дрожащий от негодования:

— Что случилось, Наталия Сергеевна? — бросил я на ходу и шагнул к своему кабинету.

— Станислав Юрьевич! Ну поглядите, что Личутин наговорил в газете «Завтра»!

Я сбросил куртку, взял свою любимую газету и погрузился в чтение беседы Александра Проханова и Владимира Личутина, посвящённой 70-летию последнего.

«Когда я написал роман "Раскол", — жаловался Личутин Проханову, — не встретил никакой благодарности человеческой. Печать никто не печатал. Время тогда было, само поминишь, какое дикое. Получалось, что я написал роман в стол. Когда опубликовали — тоже никаких впечатлений. Было только ёрничанье, что два романа есть — Леонидов "Пирамиды" и Личутина "Раскол", которые никто никогда не прочтает».

Не веря своим глазам, посмотрел я на Наталию Сергеевну с немалым вопросом: неужели Личутин забыл, что его роман печатался в «Нашем современнике»? Конечно же, не забыл, но поскольку мы с ним в спорах о судьбе Перелелкинских дач находимся по разные стороны баррикад, то язык у него не повернулся, чтобы сказать правду, где был впервые опубликован «Раскол».

А Наталия Сергеевна, словно прочитав мои мысли, протянула листок бумаги с какими-то цифрами: — Я уже все подшивки за двадцать лет пролистала, вот, поглядите...

Из её подсчётов следовало, что в октябрьском 1993 года мы начали публикацию «Раскола».

В 1994 году продолжили печатать с первого по шестой номер, а потом четыре номера были пропущены (автор просто не успел написать очередные главы).

Продолжение «Раскола» появилось лишь в одиннадцатом и в двенадцатом номерах, после чего я понял, что ввязался в мучительную и для журнала, и для автора и, главное, для читателей авантюру: надо было, конечно, дожидаться, пока Личутин закончит роман полностью, и лишь после этого печатать его из номера в номер до самого опилога.

Но мы легкомысленно поверили автору, поклявшись приносить нам очередные главы в каждый номер, прямо, как говорится, с колёс.

Итак, повторюсь, «Раскол» публиковался в первых шести номерах. Потом роман исчез со страниц журнала на целых четыре месяца и появился лишь в одиннадцатом и двенадцатом номерах. Бедные наши читатели! За несколько месяцев перерыва в чтении они забыли о сюжете (всегда сложном), о судьбах героев (всегда непростых), о своих собственных впечатлениях. Валентин Распутин, которому я в отчаяние рассказал о катастрофе с «Расколом», как мог утешал меня: «Ну, что делать, Стас, это же не просто роман, это эпопея! Терпи...» Я терпел, но в 1995 году не получил от Личутина ни одной главы. Та же самая картина обозначилась в начале 1996-го. Потеря терпения, мы решили извиниться перед читателями и на этом закончить публикацию «Раскола». Но Личутин возмозлился («Лев Толстой собирался написать роман о расколе, но отступил, а я не отступлю!»), и с марта по июнь 1996 года несколько глав появились на страницах журнала. Печатали «с колёс», и однажды в полной суматохе, когда запутанный в своих рукописях автор принёс главу, ранее уже напечатанную у нас, сотрудники, опущенные от эпопеи, опубликовали её во второй раз...

1997 год для несчастливых читателей стал предельно издательским: полгода без «Раскола».

После июльского и августовского номеров — опять пустота на два месяца, и — наконец-то! — в ноябре-декабре мы завершили этот самоубийственный подвиг, осуществившийся в двадцати номерах журнала и растянувшийся аж на четыре года!

Начинали мы публикацию эпопеи, когда у «Нашего современника» тираж был более шестидесяти тысяч, а закончили при четырёхнадесяти тысячах.

Но всё равно эти 14 тысяч в то время проходили через несколько десятков тысяч читателей. Для сравнения вспомню, что полностью отдельным изданием «Раскол» вышел лишь трёхтысячным тиражом. А ещё вспомню, что счастливый и благодарный в те времена Личутин подарил мне книжное издание «Раскола» с трогательной надписью: «Станиславу Куняеву, дорогому человеку с поклонением»...

В наш разговор с Наталией Сергеевной вмешался мой заместитель Геннадий Михайлович Гусев:

— Начиная с 1993 года Личутин не печатал ни в одном журнале, кроме нашего. Что мы опубликовали после «Раскола»?

В 1999 году в четырёх номерах — книгу его очерков «Душа неизъяснима», в 2001 году — роман «Миледи Ротман», тоже в четырёх номерах, в 2002 году — повесть «Сукхис сын», в 2008 году — очерк об октябрьских событиях 1993 года. А уж о хвалебных статьях к его юбилею, о рецензиях, поздравлениях с портретами на обложках и говорить нечего. Из них целую книгу составить можно!

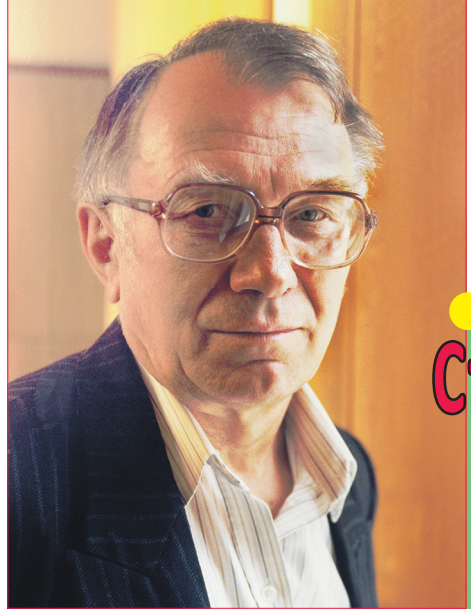
Я сам в первом номере журнала за 1995 год писал в статье «Читатели и надзирающий»:

«Мы верим, что читатель "Нашего современника" поймёт напряжённость истори-

ософских исканий Владимира Личутина, обратившегося к первому расколу русской истории — церковному расколу XVII века. Удивителен язык Личутинского романа — северный, заповедный, настоянный на аромате столетий... Мы верим — нашему читателю придётся по душе древняя красота северных речений».

...Наталия Сергеевна в это время нажимала кнопки калькулятора и бормотала:

— За десять лет с 1993 по 2003 год мы издали 120 номеров журнала, из которых в 31-ом были напечатаны все произведения Личутина, написанные за десятилетие, об-



Станислав Куняев

«За базар отвечать надо...»

щим объёмом 80 печатных листов. Третье издание 1993 года мы начали публикацию «Раскола» в 1994 и 1997 году за «Раскол», а в 1999 году за «Душу неизъяснимую». Так что неправ лучший друг Владимира Личутина и неумолимый пропагандист его творчества Владимир Бондаренко, который пишет в статье «10 книг десятилетия» («Завтра» № 1, 2011), что «Личутин — явно недооценённый писатель», «Личутин как-то оозанно вываливали из литературного гнезда то справа, то слева. Такой одинокий, тоскующий странник», «Искренне жалею, что так и не прозвучала личутинская "Миледи Ротман"», «Миледи Ротман» мы, кстати, напечатали — а это значит, что она «прозвучала!» Напечатали! — и это для писателя главное.

А что ты, Володя, хотел, чтобы «Наш современник» ещё сделал для Личутина? Выдвинуть его на нобелевскую премию? Бесполезно. Заставить каждого читателя России прочитать роман «Раскол» и все 80 печатных листов, что печатались в «Нашем современнике»? — невозможно. Включить его произведения в школьные хрестоматии? — мы не в силах. Воздвигнуть его памятники в Мезени?

— При жизни — неуместно. А там — как земляки решат...

Согласись, что мы для нашего классика в самое трудное для русской литературы двадцатилетие сделали всё, что могли.

Однако, если говорить всю правду, отношения Личутина с журналом испортились незадолго до его семидесятилетия. Это случилось, когда он принёс в редакцию новый роман «Беглец из рая». Все, кто прочитал роман: Александр Семенов, Андрей Воронцов, Геннадий Гусев, — пришли к единому мнению: это неудача писателя. В романе множество страниц из московской жизни, недостойных личутинского таланта, уместных лишь в каком-нибудь криминально-сексуальном детективе. Сотрудники журнала были против публикации романа. Но, не желая терять любимого автора, я тогда сказал ему: «Володя! Ты, избалованный нами, принёс роман в 500 страниц, а это — четыре журнальных номера. Но в романе есть немало глав надуманных, многословных, их надо убрать или сократить. Давай сделаем журнальный вариант. Не доверяешь нам — пусть эту работу выполнит твой друг и знаток твоего творчества Володя Бондаренко. И в двух номерах опубликуем, а в книге печатай целиком, если хочешь. Но не советую. Однако Личутин, закисневший в своей гордыне, разругавшись с нами и написав заявление о выходе из Общественного совета журнала. Вслед за ним из солидарности покинул совет и Александр Проханов. Бондаренко, как самый расчётливый из друзей, отпятился. Ну, что делать? Мы пережили этот «патристический шантаж», но в долгу не остались и сочинили хлесткую эпиграмму, в которой высмеяли нашего классика, автора романа «Беглец из рая».

Личутин! Ты бежишь из рая? Куда бежишь? В конце концов тебя настигнет волчья стая — Куняев, Семенов, Воронцов.

Володенька нашей шутки не понял и в марте 2009 года на VIII-ом съезде писателей России взял реванш, обрушившись на «Наш современник», обвинив главного редактора в том, что он «превратил журнал в частную лавочку», что он «стар и не может руководить журналом», что он возглавлял «рейдерский захват Литфонда» и т. д. Но этого мезеньского правдолюбю показалось мало, он настроил статью «Вниз по склону под фанфары» и стал предлагать её разным изданиям. Статья была плаксивой и коварной:

«Станислав Куняев присвоил журнал "Наш современник", мягко говоря, утащил из Союза писателей пороски...»

«...» но зачем было у ничего Союза

писателей увозить последнее, чем гордились патриоты, его исторический бренд? Да и то, братья мои, почему плуты растащили заводы, банки, приписки и земли, а тут какой-то жалкий домишко на Цветном бульваре? «Я не раз приступал к Станиславу: «Стасик, передай журнал молодому. Вспомни, когда уступил тебе Сергей Викулов "Наш современник", ему едва было за шестьдесят... не затирай пути молодой поросли»...

Ну, что на это ответить артистическому луннишке? Разве только то, что на обложке «Нашего современника» стоят три слова: «журнал писателей России», а на следующей странице сказано, что учредителем журнала является Союз писателей России, а ещё добавить, что «домишко на Цветном бульваре» принадлежит не Станиславу Куняеву и не коллективу редакции, а Московскому обществу, с которым редакция пять лет не без хлопот и тревог заключает финансовый договор на аренду.

Что же касается вопроса о том, кто и чего «увёз» у «нищего Союза писателей», то лучше бы Личутин полюбоществовал, каким образом его дружки по Перелелки-

«Хороший был журнал "Наш современник". Но, увы, "принципы родной крови" и тут срезали добрые пласты русской литературы, скобачили её. Многие писатели туда не ходили: отшлох. Унижение несёт с его страниц, где если и чувствуется почва, то неродящая, какие-то мхи и сусьль. Давно всё пережито, пережвано на десятки раз, вяло, пустомясо и безъязыко, и это в наши дни, когда русская деревня особенно, как никогда прежде, упала в печаль и разор, вопит о себе и не находит помощи. Редко когда проклюнется рассказ, родной по национальному чувству, отзвистый, полнокровный, энергичный, где всё при месте, не ампутировано штампом. Давно не печатались романы и повести, когда, чита, хотелось бы заплакать, по-корови зареветь, удариться в слёзы, когда бы сердце зашло от последней явленной правды, когда образы во всей полноте открывали бы всю красоту и мятежность природы и русского человека.

С редактором у меня не раз начинался разговор о литературе, дескать, захихнули её на задворки за ненадобно-

стью. Куняев же отвечал мне с непонятной обидой: «А зачем нужны? Только место занимают... Нам не нужны художественные вещи!». Это прозвучало так неожиданно, что меня взял столбняк, и отнялся язык»...

Думаю, самолюблённый Личутин на протяжении этих двадцати лет просто не читал журнала и потому «не заметил» на его страницах не только романы, повести и рассказы многих талантливых русских писателей, но даже своей собственной прозы. От злости, что, ем так отшлох память? Я, который якобы когда-то сказал Личутину, что «нам не нужны художественные вещи», напомним ему, какую художественную прозу он «проглядел» за это двадцатилетие. Пусть он задумается: почему многие известные прозаики России всё лучше, что было написано ими в гильберное для русской литературы время с 1990-ого по 2010-ый год, печатались ТОЛЬКО в «Нашем современнике»? Может быть, потому, что не могли или не хотели публиковаться в других изданиях? Или потому, что понимали особое значение журнала для русской литературы? Или потому, что атмосфера в журнале была для них родной и желанной и они знали, что их здесь поймут и оценят? Перечислю. Это Ирина Годовкина (Римская-Корсакова) — роман «По безднённе». Это знаменитый роман Леонида Леонидовна «Пирамиды». Это романы Юрия Бондарева «Искушение» и «Бермудский треугольник», а также его «Игнования». Это ты сам, Володенька, но о тебе всё сказано выше; это Владимир Солухин с повестью «Солёное озеро», «Чаша» с «Камешка на ладони». Это Валентин Распутин со знаменитой повестью «Дочь Ивана — мать Ивана», с рассказами «Изба», «В ту же землю», «Нежданно-негаданно», «В больнице», «Новая профессия», «На родине». Это Василий Белов с романами «Год Великого Перелома» и «Час шестый», с повестью «Родная кровь», с книгой «Воспоминания». Это молодой Александр Проханов с шестью (!) романами: «Ангел пролетел», «Дворец», «Красно-коричневые», «Последний солдат Империи», «Скелетрист», «Стеклодув», с повестями «Чеченский блюз» и «Идущие в ночь». Это Альберт Лиханов с повестью «Никто», «Сломанная кула», «Слёпки», «Лежачик не бьют»... Это романы Леонида Бородин «Третья правда» и «Жоженполь». Это все до единой страницы разножанровой прозы, написанной за два десятилетия Виктором Лихановым. Это повести Крулина «Великорейская купель», «Прощай, Россия, встретимся в раю» — и многие другие, всего около десятка; это пять повестей Юрия Убогого, три романа Бориса Шишаева, все романы, повести и рассказы Юрия Лошicina, почти все повести Михаила Тарковского и Веры Галактионовой...

Я перечислил «однолюбие», для которых лишь один свет в окошке — «Наш современник». А кроме них сколько незаурядных авторов в эту эпоху появлялось в журнале! Эдуард Лимонов, Михаил Чванов, Олег Волков, Михаил Ворфоломеев — все с лучшими своими рассказами; Виктор Астафьев с «Затесями», Дмитрий Балашов с очерками и романом «Похлада Сергия», Сергей Есин с повестью «Стоящая в дверях», Юрий Козлов с «Еополитическим романом» и Юрий Поляков, на которого Личутин молится, с повестью «Трибуна царя»... Не забыть бы ещё прозу Глеба Горышина, Михаила Попова, Евгения Шикина, Александра Трапезникова, ещё одного Михаила Попова — архангельского, земляка Владимира Личутина, рассказы Вячеслава Дёгтева, повести Сергея Михеевича...

А если вспомнить чисто «деревенскую прозу», в полном отсутствии которой обвиняет наш журнал Владимир Личутин, то я называю роман покойного Ивана Васильева «Фрестянский сын», повести и рассказы Анатолия Байбородина в языке не хуже личутинского, Бориса Екимова с

рассказами из колхозной жизни, повесть «Затёски к дому своему» Леонида Кокучина, рассказы и очерки Александра Арцабаева... Любопытнейшей была публикация неоконченного романа Владимира Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?».

Постыдился бы наш мезеньский сочинитель выдумывать, будто я сказал ему, что «нам не нужны художественные вещи»... Нам не нужны романы, публикация которых растягивается на четыре года. Что правда — то правда.

Понимают ли Личутин с Бондаренко, сколько талантливых писателей они оскорбили «по-чёрному», когда один написал, а другой напечатал о прозе журнала, что «унижением несёт с его страниц... давно всё пережито, пережвано на десятки раз (так в оригинале. — Ст. К.), вяло, пустомясо и безъязыко»? Это что — Проханов пишет «вяло»? Вера Галактионова — «пустомясо»? Василий Белов и Валентин Распутин — «безъязыко»? Простите меня, но «за базар отвечать надо». Когда Личутин надумал выйти из редколлегии журнала, он написал заявление со словами о причинах своего решительного поступка:

«Я никоим образом не могу воздерживаться и влиять на политику и качество журнала, которые меня не удовлетворяют». Но единственное произведение, которое за истекшее двадцатилетие настолько попросило меня опубликовать в журнале трое членов Общественного совета журнала Проханов, Бондаренко и Личутин, был детективный роман их друга по компании «сорокалетних» Анатолия Афанасьева «Зона номер три». Я уступил им и напечатал этот детектив, сообразив, что он нужен литературе, как на кухне нужна одноразовая посуда. Жалко было полудорога сотен журнальных страниц, но, как говорится, дружба требует жертв.

Поняма, на что иду, я написал предисловие к публикации. Вот оно.

«Роман Анатолия Афанасьева "Зона номер три" вызвал у сотрудников редакции немало сомнений... Он, конечно, написан мастерски, но... по канонам голливудских боевиков с их безмерным и всегда бутфорским изображением убийств, крови, противостояния добра и зла, упрощённо, как правило, до схемы "преступник — полицейский"... Декоративное, и потому шаблонное, изображение злых и добрых суперменов, кинематографическое обилие коллективных и индивидуальных сватов, плакатное разделение "чёрного" и "белого" — конечно же, выводит это произведение из основной прозаической традиции нашего журнала с её психологизмом, многомерностью и сложностью характеров, с неизменным, пусть иногда "за кадром" присутствующим религиозным ощущением человеческой и народной судьбы... Однако член редколлегии и постоянные авторы журнала Александр Проханов, Владимир Личутин и Владимир Бондаренко без колебаний стали уверять нас, что наши опасения напрасны, что роман, бросающий вызов сегодняшнему режиму и образу жизни, будет понят и принят читателями. И мы решили пойти на этот риск — с одной оговоркой: коль вы уверены в своей правоте, то попробуйте и сами убедить в ней нашего читателя, напишите свои отзывы о романе, а мы опубликуем их в виде "рекламных пауз", которые так естественны для произведения, написанного в необычном для журнала жанре... А кто уж из нас прав — наша уважаемая тройца, с мнением которой мы не можем не считаться, или мы с нашими осторожными опасениями, — судить тебе, наш верный подписчик и друг.

Итак, публикуем роман и ждём на него ваших отзывов, уважаемые читатели "Нашего современника"».

Роман появился на страницах журнала вместе с тремя хвалебными «рекламными паузами», но ни одного читательского отклика на него редакция не получила.

А Личутин до сих пор требует от меня: «Стасик! Передай журнал молодому». Да я бы, Володя, давно тебе передал, если бы не помнил одну некрасивую историю. В конце восьмидесятых годов прошлого века съезд Союза писателей России утвердил тебя в должности главного редактора журнала «Октябрь», предварительно сняв с этой должности Анатолия Ананьева за публикацию гнусного пасквиля Андрея Синяевского «Прогулки с Пушкиным». Тебе тогда было всего-то сорок с лишним лет. Но неправомерно Карпова, Куняева и Ганичева оказали хурабмань лишь на словах, струсли войти в кабинет Ананьева и сесть на его место.

А если бы осмелился на этот мужской поступок, то, глядишь, одним патристическим журналом у русских писателей было бы больше. Нет, Личутин, выступать с трибуны скандально ты можешь, а как ближе к делу — так у тебя кишка тонка...

...Весной 2010 года, когда приближалось 70-летие Владимира Владимировича, мои сотрудники стали убеждать меня, что нам не следует поздравлять Личутина с юбиле-

ем. За немужское кликушество, за неблагодарность по отношению к журналу, за чело-веческую склоность...

Но я вспомнил все молодые замечательные повести Личутина: «Обработно — время свадб», «Крылатая Серафима» и особенно «Дневнь-гора» о жизни на поморской реке Соине, где я бывал не раз и с женой, и с сыном. Вспомнил, как с Володей Личутиным мы были на легендарной Мегре. После трудового дня, намахавшись спиннингами, мы, бывало, сидели возле костра, на котором закипала уха. Улов наш в тот день был скромным, всего две семужки: одна небольшая, которая пошла в уху, другая, килограмм на шесть, лежала поодаль в кустах. Её надо было разделать и засолить. В тёмном высоком небе над туманными болотами стелились рыдающие крики гусей. Их извилистые клинья танулись к югу, и, когда они попадали в зеленоватую полосу северного сияния, мы видели их в чёрном небе, пока они не погружались в сентябрьскую тьму...

К берегу на костерок причалила моторка, в которой сидели неизвестные нам геологи. Мы пригласили их к костру, открыли бутылку, выпили, разговорились. Они сплавлялись в деревню, целый день на сплаве рыбачили, но ничего не поймали. Я заметил в их лодке ладную железную печурку.

— Мужики! Давайте меняться. Вы нам печку — мы вам рыбу. Мы ещё поймем, а вам завтра надо к вертолёту.

Ещё выпили и ударили по рукам. На рассвете ребята столкнули лодку на глубину и рванули стартер. «Буржуйка» осталась с нами, и мы с Володей решили спрятать её надёжней, чтобы на следующий год поставить в глубине сосняка зимовьюшку с настоящей печкой. Мы вырубил ящерицу, насадили на неё тяжёлую «буржуйку» и потащили в глубь осинового бора, где нашли вывернутую ливестницу, под корнями которой и закопали наше драгоценное приобретение.

Володя пошёл обратно к лагерю, а я побрёл вдоль ручья, вытекавшего из озера, которое должно было находиться в двух-трёх километрах; захотелось поглядеть на него.

Озеро было в зарослях ивняка и ольхи, из-за которых неслись звонкие голоса лебедей. Раздвигая кусты, ко-как я пробрался в бродячих к воде и увидел несколько белоснежных лебедейных пар, оглашающих нежным курлыканием озёрную гладь... Я сел на поваленный на берегу ствол и долго смотрел на птиц, слушаю трубные звуки их серебряных, протяжных, стонящих голосов...

К вечеру я возвратился на стожик. Недовольный Личутин хотел «фразгнать» меня, но я прочитал ему стихотворение, которое само собой написало на берегу безымянного озера.

Тишина. Ни собак, ни людей  
Здесь не видно со дня сотворенья.  
Только свадебный стан лебедей,  
Только царственный блеск оперенья.

Только ягель да зубчатый лес,  
Да безмолвные белые ночи  
тумский пламень полярных небес  
отражает озеро, как очи.

Если есть в человеке душа,  
да придёт она после разлуки  
под ступающийся шум камыша  
на озёрные эти излучья.

Пусть останется с миром вдовой  
без меня на затопе бараном  
и бормочет о чём-то своём  
безымянная над Безымянным.

Пусть витает в пустынном краю,  
о прощедшей судьбе забывая,  
и да встретит её, как свою,  
лебединая белая стая.

Личутин, хотевший по причине своего пакостного характера растерзать меня за то, что я так долго не возвращался к печлегу, услышав стихотворение, налил по стопке, мы выпили, и он смахнул со своей рыбородки нечаянную слезу... Мы залезли в палатку и заснули под нежный свист ночного ветра, а когда проснулись, то наше кострище и полов палатки были покрыты тонким слоем белого снега...

К полудню за нами пришёл на моторке Самсон Кулаков из деревни Мегра, а к вечеру он доставил нас вдоль высокого торфянистого берега Белого моря в деревню Ручь, откуда мы должны были на «Аннушке» вылететь на другой день в Архангельск.

Вечером мы сидели на крыльце громадного поморского дома у приятливой сестры старенькой вдовы-солдатки Евлампии Вячеславовны и глядели, как во время отлива вода «заживала» и, шипя, скапывалась с песчаной плотной кромки, а тяжёлые рыбаческие лодки грузно ложились на плотное дно. А на холме справа стояла разорённая деревянная церковь, словно бы взрванная в алый закат... Я вспомнил все эти дни и печально сказал своим молодым волчатам:

— Человечески оно, конечно, мелкий, но писатель замечательный. Зря мы, что ли, так обильно его печатали, как никого другого! Поставьте на вторую полосу обложки красивый портрет молодого Личутина, а под ним вот это поздравление:

«Редакция журнала поздравляет известного русского писателя Владимира Личутина, публиковавшего своего лучшее произведение 90-ых годов прошлого века в "Нашем современнике", с семидесятилетием и желает ему дальнейших достижений в жизни и творчестве»...

Господи! Сколько воды утекло с той поры в Мировой океан из чёрной Мегры, из светлой Соины, из многоводной Мезени...

Адрес газеты  
в Интернете  
www.m-s-p-s.ru

© Все авторские права защищены  
Газета Международного сообщества писательских союзов  
«Общеническая Литературная газета»  
зарегистрирована Федеральной службой по надзору в  
сфере связи и массовых коммуникаций  
Свидетельство о регистрации  
СМИ ПИ № Ф077-42840 от 26.11.2010

Учредитель и Издатель: «Международное  
сообщество писательских союзов» («МПСО») —  
Главный редактор — Юрий Кноплянский  
Зам. главного редактора — Игорь Николенко  
Редактор — Анна Трегубова  
Адрес редакции: 123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17  
Телефон: (495) 691-6307. E-mail: litfond16@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Типография Михайлова»  
Адрес: 214020, Смоленск, ул. Шевченко, д. 86  
Объём 2 п. л. Тираж 8000 экз. Заказ № 2011-00761  
Время подписания в печать:  
по графику — 12.03.2011 в 10.00  
фактически — 12.03.2011 в 10.00  
Распространяется бесплатно

Рукописи не рецензируются и  
не возвращаются. Точка зрения  
авторов не обязательно со-  
впадает с мнением редакции.  
Авторы публикаций несут ответ-  
ственность за достоверность  
предоставляемой информации